

Наталья Горбачева

Мои друзья святые

Рассказы о святых и верующих

Издательство АСТ
Москва

УДК 23/28
ББК 86.372
Г67

*Допущено к распространению Издательским Советом
Русской Православной Церкви ИС 13-314-2133*

Горбачева, Наталья

Г67 Мои друзья святые. Рассказы о святых и верующих (мяг.) / Наталья Горбачева. – Москва: Издательство АСТ, 2019. – 320 с.

ISBN 978-5-17-112715-2

Перед вами новая книга известной и светскому, и воцерковленному читателю писательницы Натальи Горбачевой из уже полюбившейся серии «Рассказы о святых и верующих».

Есть друзья настоящие, а есть истинные. Наши истинные друзья – святые. Но как научиться узнавать этих друзей, общаться с ними, вы поймете, прочитав эту книгу. Вас ждет рассказ про знаменитую игуменью Горненского монастыря Георгию (Щукину): о ее блокадном детстве и о чуде спасения. Неизвестные ранее подробности жизни блаженной Ксении Петербуржской и ее новые чудеса. Ждет вас и Рождественская история о погибающем человеке, которая заканчивается счастливым образом... Путь к Богу не усыпан розами. Как ищут и находят эту дорогу самые обычные люди, рассказывает эта книга.

УДК 23/28
ББК 86.372

ISBN 978-5-17-112715-2

© Горбачева Н., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

К читателю

Несмотря на внешнюю простоту, обыденность, «житейскость» рассказов Натальи Горбачевой, в них сокрыты глубокие духовные, даже аскетические истины. Вот, например, автор пытается достучаться до своего крестника, который нацепил на себя несвойственный ему имидж «делового человека». В дружеской беседе звучат горькие высказывания крестной матери о том, что «работа над имиджем заменяет человеку работу над собой. Вместо того чтобы заглянуть в себя, найти то, с чем нельзя мириться... человек начинает делать вид, что он уже такой, каким ему хотелось бы себя видеть». За этим и другими разговорами героев проступает попытка привлечь внимание к важному святоотеческому учению о подлинной человеческой личности, сокрытой (часто для самого человека!) за личиной страстей. То, что обычный чело-

век считает своим «я», как правило, является набором различных его страстей. Однако познать это можно только подвигом христианской жизни.

Тьмы обесценившихся ныне и праздных слов стоит одно только описание внешнего вида и поведения горненской игумении Георгии в рассказе о ее монашеском пути: чистота у матушки даже в походке; перед таким человеком лишнего себе не позволишь. «У нее — ровное отношение ко всем... мягкость, настоящая человечность». Вот пример для подражания: когда матушка чем-то недовольна, она никогда этого не обнаружит перед людьми, в крайнем случае просто уединится, чтобы никого не смутить. Так живут люди, постоянно чувствующие себя в присутствии Божиим. А это, как учит святитель Феофан Затворник, и есть воплощение в жизнь заповеди о непрестанной молитве. Бывает достаточным показать сладкий плод ничем не омрачаемого душевного мира, полученный человеком от исполнения заповеди, чтобы посеять в других сердцах стремление подражать благому примеру.

Богословские сочинения и даже самые замечательные проповеди в наше время часто оказываются бездейственными, поскольку современный человек разучился слушать и слышать слово Божие.

Несомненно, рассказы известной писательницы делают слово Божие доступным. Происходит это потому, что авторское слово точно и правдиво, истории не выдуманы, опытно прожиты и здраво с точки зрения евангельских истин изложены. Наблюдать за жизнью верующей души, избравшей в друзья святых, захватывающе, полезно и поучительно.

*Н.Н. Павлюченков, кандидат богословия,
кандидат философских наук,
преподаватель миссионерского факультета ПСТГУ*

Великие пророки

Э то был исторический звонок. Михаил Абрамович, директор крупного издательства, лично позвонил мне и весело сказал:

— Бросаем тебя на амбразуру...

— Почему меня-то опять! — захныкала я, потому что сердце опустилось куда-то в пятки. Начинается...

— Выживешь, — утешил Михаил Абрамович, за глаза называемый МихАбром. — Мы тут серию затеяли, под названием «Великие пророки...»

— Библейские, что ли? — радостно удивилась я.

— Не умничай, — строго ответил он. — Даю наводку, думай до завтра. Надо про Серафима Саровского написать...

— Пре-пре-преподобного? — от неожиданности предложения я стала заикаться.

— Что ты там бормочешь? Не слышала о таком? Русский святой или я что-то путаю? — смутился и МихАбр.

— Но он не пророк, он пре-по-доб-ный. Святой монах.

— Понятно. Опять умничаешь, — общо выругал меня МихАбр. — Нам без разницы, это твоя задача повернуть так, чтобы он оказался пророком. Серия такая, ясно? И предупреждаю: проповедь твою не пропущу, — он облегченно вздохнул, поставив мне очередной иезуитский капкан. — Завтра в полдень как штык у меня.

«Без проповеди» — обычная в мой адрес «страшилка» МихаАбра. Ладно бы, если дело касалось повести или романа, даже исторического, но чтобы в жизнеописании святого обойтись без проповеди — тут, конечно, постараться надо... Святые — они без слов проповедают самой своей жизнью.

Но время ведь какое было? Середина девяностых годов прошлого века. Только-только стали возвращаться к народу сокровища его православной культуры: возрождались церковные приходы, возникали православные братства, открывались полуразрушенные храмы и монастыри, из-под спуда на свет Божий извлекалась дореволюционного издания житийная и святоотеческая литература. Современных книг христианской тематики

почти не было. Трудно было купить обычный молитвослов или разжиться церковным календарем... Редкие полуподпольные православные издательства только-только осваивали массовые тиражи вышедшей из употребления христианской литературы. Светские издательства еще и не задумывались об этом. МихАбр оказался в числе первых: как всегда свой издательский нос он держал по ветру, чутко реагируя на запросы общества. Я даже испытала некоторую гордость за издателя, всегда державшего меня в ежовых рукавицах.

За вечер эту радостную весть я растрезвонила всем своим хорошим знакомым и выслушала множество общих восторгов по поводу того, что теперь, наконец, стало видно, как по-настоящему дунул ветер перемен, наступила свобода совести, наметился выход из семидесятилетнего коммунистического плена, появилась надежда на возрождение России и прочая, прочая. Это действительно было время больших надежд. За пару часов знакомые возвели меня в ранг чуть ли не знамени благих перемен. Всем им была так близка мысль, что необходимо менять идеи в головах обезбожившихся соотечественников, что достигалось, в том числе и через книги христианского содержания...

— А вдруг не напишу? — поскуливала я.

— Напишешь, — отвечали мне. — Верим в тебя.

При последнем дружеском звонке я ясно осознала свою ошибку: сначала надо было книгу написать, а потом уже распространять радостную весть... Трудно было от этих ошибок удержаться, потому что в духовной жизни все мы тогда были сущими младенцами... И вот этому-то «младенцу» предстояло писать про великого русского святого. Ночью долго не могла заснуть, переживала, вдруг не осилю — ведь никогда даже не предполагала, что придется писать о святых. Успокаивало только то, что именно про преподобного Серафима я очень много читала, в доме собралась небольшая библиотечка, в которой имелся даже двухтомный репринт знаменитой «Серафимо-Дивеевской летописи», написанной к прославлению Саровского чудотворца будущим священномучеником Серафимом (Чичаговым) и которую от корки до корки я успела прочесть несколько раз — так легла эта «Летопись» на душу. В конце концов, вспомнила я хорошие русские поговорки: «не боги горшки обжигают, а те же люди», «терпение и труд все перетрут»... Буду молиться преподобному, читать акафисты, месяца за четыре-пять разберусь и с Божией помощью напишу.

В кабинет МихАбра на сей раз я вошла без страха, зная, что он не будет меня мучить предложением написать «дамский» роман.

— Ну?! — сказал он свое знаменитое и сделал театральную паузу. — Готова?

— Не то, чтобы да... Ну и не то, чтобы нет, — весело ответила я.

— Даю месяц, — выговорил он.

— В смысле? — не поняла я.

— Через месяц рукопись должна лежать у меня на столе, чего тут непонятного. Страниц двести. Чудес насобирай, хоть на полкниги. Народ любит сказки. В общем, сообразишь, не маленькая.

Мне захотелось упасть в обморок. Но я только вжалась в спинку стула. МихАбр сделал вид, что разговор окончен.

— Ты еще здесь? — оторвался он от своих бумаг.

— Это невозможно, — слотнула я.

— Опять не так: дали ей наконец писать про своих святых — недовольна... — применил свою безотказную наступательную тактику МихАбр.

— Срок нереальный...

— Какой еще срок нужен, ты же про него все знаешь? Не роман ведь, где думать надо! Тут всего делов-то: записать известные вещи! Разговоров больше.

— Так давайте я вам продиктую, а вы запишите... — обозлилась я.

— Если это шутка, то глупая... Мы хотели твоей книгой серию открывать... Но если отказываешься, я уже заказал про Джуну, про Блаватскую, Нострадамуса...

— Что? Про кого? — с тоской переспросила я и буквально лишилась дара речи.

Опустив голову, представила, как приду домой, позвоню вчерашним знакомым и скажу... Что я им скажу? Они — не писатели и совершенно не в курсе того, «из какого сора растут стихи» и книги, писательская кухня им незнакома; они просто не поймут, почему не использовала шанс написать про преподобного Серафима. Но, ужаснулась я, каково будет святому чудотворцу, которому на протяжении жизни двенадцать раз являлась Сама Пресвятая Богородица, оказаться в одной компании с экстрасенсом Джуной (в ту пору бывшей на гребне своей славы «ясновидящей целительницы»), теософкой Блаватской, астрологом и алхимиком Нострадамусом... Их заблуждения противны христианству. Пророк — провозвестник воли Божией и в этом смысле прозорливца Серафима Саровского можно, наверно, назвать пророком. Но те-то трое от противника Бога «прорицают». «Что общего у света

с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром?»¹ Все смешалось в доме Облонских... Спорить с МихАбром на эту тему бесполезно: это надо с детсадовского возраста разгребать авгиевы конюшни духовных заблуждений советского человека, или, по крайней мере, с октябрят, которые «юных ленинцев отряд».

— Наталья, заснула, что ли? — услышала я.

— Михаил Абрамович, а у вас случайно нет Библии?

— Настольная книга... — усмехнулся он. — Ты думаешь, я совсем тупой?

— Ну почему... Так не думаю, — я замотала головой.

— А как ты думаешь?

— Я? — он застал меня врасплох.

— А если не думаешь, тогда слушай, что тебе умные люди говорят. Пиши, знай... — МихАбр вытянул на свой мощный живот ящик письменного стола и достал Библию карманного размера. — Ты под стол пешком ходила, а я ее уже из Германии привез, читал на досуге.

— А можно посмотреть?

Взяв в руки книгу в дорогом черном кожаном переплете, я стала рассматривать ее, мучительно стараясь припомнить, в каком

¹ 2 Кор. 6: 14–15.

месте говорится о прорицателях: Исайя? Нет... наверное, Пятикнижие... теплее-теплее... Исход? Левит?

Я листала Библию и молилась: где же, Господи, где? И вдруг книга выскользнула из рук и упала на пол.

— Раззява! — махнул рукой МихАбр. — Давай сюда.

Я наклонилась и осторожно подняла раскрывшуюся книгу. Раскрылась она в нужном месте...

— Вот ответ, вот! — обрадовалась я. — Послушайте! «...Не должен находиться у тебя... прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых; ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это»². Второзаконие...

— Ну и что?

— Это как раз про ваших так называемых «пророков» знахарку-Джуну, Предсказамуса...

— Про Нострадамуса не в курсе, а Джуна — ученый экстрасенс, — перебил он.

— Это по-модному «экстрасенс», а раньше их колдунами называли. И соответственно к ним относились. Церковь категорически запрещает к ним обращаться.

² Второзаконие 18: 10-12.

— Джуна Брежнева пользовала... Вся наша элита около нее крутится. Многих людей исцеляет.

— Если элите нравится с помощью бесовской силы исцеляться — никто препятствовать не может. Хозяин — барин. Здоровье, она, может, на какое-то время и поправляет, только душе вредит, потому что выводит на контакт с нечистой силой. А там уж — как повезет. Психушка — это еще лучший выход. У меня так один знакомый вляпался, теперь на галоперидоле сидит.

— Это бывает у непризнанных писателей, — съязвил МихАбр.

— Нет, он к Кашпиоровскому ходил.

— То Кашпиоровский...

— Дык тоже экстрасенс. Как сказано: имя им легион. Люди в Перестройку к вере потянулись, а по своему духовному невежеству веру с суеверием перепутали. Тут шарлатаны разных мастей и подсуетились, а вы их в «великие пророки» возводите... Церковь запрещает ходить к экстрасенсам, потому что заботится о духовной безопасности людей. Мы же не возмущаемся, если врач больному не позволяет что-то бесполезное делать.

МихАбр задумался или сделал вид...

— Знаешь... — так же задумчиво произнес он; это могло предвещать всё что угодно, — тебя иногда интересно послушать,

не отрицаю. Но мы для другого собрались, понимаешь? Я тебе книгу писать предлагаю. Про русского святого. Вот там можешь постебаться над экстрасенсами. В пределах разумного, конечно!

— Много чести! Джуна — ученый, не смешно? Ее лженаучная деятельность — просто ухочешься: сперматозоиды, видите ли, она оживляет и работает над формулой бессмертия. Воскрешать людей собирается в недалеком будущем. Вам не кажется, что тетя сама психбольная? Каким боком вы хотите эту любительницу саморекламы сравнить с преподобным Серафимом, который, смиренно называя себя «убогим», исцелял молитвой тысячи и тысячи людей.

— Вот что! — взревел МихАбр. — Когда ты будешь сидеть на моем месте, а я на твоём, тогда будешь рассуждать, поняла?

Тут меня понесло...

— Помню, вы, Михаил Абрамович, просили меня написать такую книгу, чтобы через нее люди к Богу обратились. А я вам что ответила? Что Библия уже написана, пусть читают. И что если вы миллион книг против Бога напечатаете, из-под такого завала не то что написать, пикнуть невозможно. А теперь к этому миллиону вы хотите еще три книги приложить! Что и требовалось доказать!